

арт ~ детектив

анна
МАЛЫШЕВА

Суфлер

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М20

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Художественное оформление серии — *Екатерина Фerez*

Мальшева, Анна Витальевна.

М20 Суфлер : [роман] / Анна Мальшева. — Москва : Издательство АСТ, 2021. — 320 с. — (Задержи дыхание. Проза Анны Мальшевой).

ISBN 978-5-17-137895-0

Распознавать подделки, отличать подлинник от фальшивки — это главное дело ее жизни. И настает день, когда это умение становится вопросом жизни и смерти.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-137895-0

© А. Мальшева
© ООО «Издательство АСТ», 2021

Глава 1

Александра снова и снова нажимала кнопку звонка, прислушиваясь к прерывистой канареечной трели за высокой двустворчатой дверью. Открывать не торопились. Женщина в недоумении взглянула на часы с оторванным ремешком, которые извлекла из кармана промокнутой куртки, облепленной тающим снегом.

«Неужели я добиралась так долго, что меня решили не дожидаться?»

Но она тут же убедилась, что потратила на дорогу всего полчаса, идя быстрым шагом от Китай-города, где располагалась ее мастерская, до переулка близ Петровки, где жил старый знакомый, коллекционер Эрдель. Его жена позвонила Александре сорок минут назад. Они говорили всего-то второй раз в жизни, а по телефону и вовсе впервые, Александра едва знала ее, но сразу подумала, что голос жены Эрделя звучит как-то необычно...

«Мне показалось, она вне себя. Пугалась в простых фразах, задыхалась, всхлипывала. “Пожалуйста, скорее, он вас зовет!” Напугала меня, толком ничего не объяснила, сказала только, что созванивается со знакомыми врачами, готовится везти мужа в больницу. И чтобы я немедленно приезжала! Я все бросила, рванула в метель переулками на Петровку, поскользнулась, ушибла колено, едва не сломала ногу... И где они все?!»

За дверью царил торжественная тишина. Переведя дух, Александра оперлась плечом о стену и вытерла тыльной

стороной ладони лоб, по которому с волос стекали капли талой снеговой воды. Вне всяких сомнений, обитатели квартиры уехали, не дождавшись ее.

«Но что с Эрделем? — Достав сигарету, Александра чиркнула зажигалкой. — У него слабое сердце, при этом курит и пьет кофе в свое удовольствие. Этой осенью сильно простудился... Скверная была осень, тяжелая. Может, осложнения? Супруга ничего не объяснила. Дело серьезное, раз так заторопились в больницу. Но почему он требовал, чтобы я приехала?! Именно я?!»

В самом деле, это было странно. Александра, художница, давно разуверившаяся в своем таланте, зарабатывала на жизнь помимо реставрации картин еще и перепродажей предметов искусства и разных старинных редкостей. Иногда она продавала что-нибудь Эрделю. Этим их контакты и заканчивались. Более того, пожилой коллекционер был настолько искушенным собирателем, что угодить ему было трудно. Он чаще отказывался приобрести вещь или книгу, чем соглашался выложить просимую Александрой сумму. Женщина поддерживала общение с ним вовсе не ради выгоды. Ей нравилось слушать рассказы Эрделя, всегда посвященные старине и всегда необычные. Он редко покупал, но охотно делился воспоминаниями, зачастую поистине бесценными, иногда загадочными.

Одна история, услышанная Александрой при последней встрече, всего неделю назад, не выходила у нее из головы. Женщина все хотела позвонить Эрделю и уточнить кое-какие детали, но не решалась. Коллекционер не любил, когда его беспокоили всуе. Художница решила дождаться удобного случая, обзавестись предложением — мало-мальски ценной книгой, которую можно будет показать Эрделю, и тогда уж расспросить его...

И вот все обернулось совершенно неожиданно. Эрдель, судя по всему, попал в больницу, не успев с ней повидаться, хотя очень этого желал. «Обычно я просила о встрече, —

припомнила женщина, пряча окурки в консервную банку, прикрученную проволокой к перилам лестницы. — И часенко у него не находилось для меня времени. Что с ним случилось?»

Она набрала номер домашнего телефона Эрделя, затем номер его мобильного. Никто не ответил. Подойдя к окну на площадке, обвела взглядом двор и тут же обнаружила старую черную «Волгу», машину коллекционера. «Ну понятно, он не смог бы сесть за руль. Увезли на “скорой”. Что он хотел мне передать?»

Ждать было нечего, супруга Эрделя могла и не вернуться сегодня домой, задержавшись в больнице с мужем. Кроме того, Александра собиралась на выставку, которую устраивали знакомые. Там ее обещали свести с человеком, которому она давно мечтала быть представленной. «Одна из лучших коллекций итальянской живописи в Москве! И он вроде кое-что намерен продать или поменять... Согласен со мной познакомиться. Лучше бы поторопиться, все равно тут делать нечего!»

Поколебавшись минуту, женщина решила оставить записку. Черкнув пару слов, тревожных и сочувственных, она принялась пристраивать клочок бумаги в щель между створками дверей. И тут обнаружила то, чего сперва не заметила.

Записка в двери уже была. Крошечная бумажка, оторванный уголок газетного листа. «Ее оставили мне?»

Александра кончиками пальцев извлекла записку и развернула сложенный вдвое серый газетный обрывок. Почерка Эрделя она никогда не видела, они не подписывали бумаг, совершая все сделки устно, доверяя друг другу на слово, как большинство коллекционеров и посредников. Да собственно, о почерке и говорить не приходилось, глядя на корявую строчку, выписанную вкривь и вкось печатными буквами. Казалось, слова нацарапал ребенок. «Даже запятую не поставил!» — машинально отметила женщина,

АННА МАЛЫШЕВА

перечитывая краткое послание. Оно адресовалось, безусловно, ей, и хотя было предельно понятным, его смысл до художницы как-то не доходил.

Саша бегите из Москвы

Подписи не было. Это и еще отсутствие запятой превращало послание в аналог телеграммы, отправленной на последние деньги. Александра отчего-то принялась старательно припоминать, когда сама в последний раз сочиняла телеграмму, пользуясь этим ныне вымершим видом связи. Оказалось, давным-давно, в годы учебы, в Питере, в Академии художеств, а точнее, в Институте имени Репина. Писала родителям в Москву: «Ремесло сдала теория завтра здорова скучаю». Лет пятнадцать назад. В прошлой жизни.

Опомнившись, женщина спрятала записку Эрделя в карман, а свою скатала в шарик и бросила в банку с окурками. Она вдруг передумала оставлять послание. Предупреждение, адресованное ей, смысла не имело. Александра была уверена, что не совершила ничего такого, из-за чего ей стоило бы убегать из родного города. Врагов у нее водилось не больше, чем у любого обычного человека, да и не того они казались масштаба, чтобы от них бегать. И все же Эрдель, ставший жертвой загадочного скоропостижного приступа, едва удерживая ручку в непослушных пальцах, в последний момент перед отъездом в больницу пытался ее предупредить о некоей опасности...

Терзаемая неприятным и непонятным ощущением, Александра пошла вниз по лестнице, медленно отравляясь ядовитой смесью тревоги и недоумения. «Не “уезжайте” из Москвы, а именно “бегите”. Так, никак иначе! Он ведь серьезный человек, не стал бы шутить в таком дурацком роде. Он же знал, что я приму эти слова на веру. Так что мне делать?! В самом деле, бежать?!»

В более глупом положении она, наверное, еще не была

никогда в жизни. Ей предлагали сделать категорически невозможное — слепо поверить чужим словам и выполнить указание, смысла которого она не понимала. Но предлагал человек, которого Александра безоговорочно уважала. Которому в данный момент нельзя было позвонить. Телефона его супруги художница не знала.

Все, что ей пришло в голову — навестить Эрделя в больнице и уж после разговора решать, паковать ли чемоданы. Сбитая с толку, озадаченная, женщина отправилась на выставку, которая должна была открыться через час. Медлить не приходилось.

Место, куда она спешила, официально не являлось выставочным залом. По всем документам то была обычная квартира, и никакой коммерческой деятельности в ней не велось. Это был шоу-рум от искусства, аналог нелегальных домашних бутиков, наводнивших Москву. Сюда приходили по рекомендации своих друзей или друзей своих друзей. Случайный человек на выставке был, таким образом, почти невозможен. Официально здесь ничего не покупали и не продавали. За даровое любованье предметами искусства налог не взимался, и регистрировать такую деятельность, как приносящую доход, не считалось нужным. На самом деле здесь заключались сделки, порой крупные.

Владели этим нелегальным выставочным залом старые друзья художницы. То была колоритная троица, часто становившаяся предметом сплетен. Александра познакомилась с ними лет десять назад, еще будучи замужем за известным художником Иваном Корзухиным. Ее муж, «алкоголик и паразит, заедавший чужую жизнь», как неизменно титуловала покойного ныне зятя мама Александры, продал этим галеристам несколько своих старых картин, чудом откопанных под грудой пыльных холстов. Реставрировала и освежала картины Александра, она же на правах супруги вела переговоры с покупателями. Ивану нельзя было до-

верить ни того, ни другого. Он уже никогда не бывал трезв, его руки так и плясали, кисти и шпатели выпрыгивали из одеревеневших пальцев как живые. Он отдал бы свои старые работы за пару бутылок водки, между тем как «ранний Корзухин» ценился довольно высоко и охотно приобретался западными коллекционерами. До смерти ему оставалось два года, но многие в Москве давно считали его умершим. Александре тогда едва исполнилось тридцать. Ивану было чуть за сорок, но выглядел он шестидесятилетним. Никто не понимал, что побуждает молодую интересную женщину делить с ним нужду на нетопленном чердаке, служившем мастерской, терпеть его бесконечное пьянство, безделье, визиты таких же опустившихся дружков-гениев и даже оплачивать из своих скромных гонораров реставратора стихийные попойки. Все поголовно задавали ей недоуменные вопросы, а ответить она не могла.

«И что я сказала бы своим доброжелателям? — думала Александра, делая пересадку в метро и с неудовольствием глядя на часы. К началу выставки она уже опаздывала. — Что люблю Ивана? Это бы все объяснило, но ведь любила я его какой-то месяц после свадьбы, не больше. Скоро мне стало ясно, что я влюбилась в картины, которых он уже не писал, в славу, которая существовала уже как-то отдельно от него. В его имя, в его прошлое, в талант, который, как мне почему-то казалось, еще не погиб. А на самом деле я жила не с прежним человеком, а с его оболочкой, с его остатком. Жалела я его, что ли? Было ясно, что проживет он недолго. Мы протянули пять лет... Я думала, получится меньше... Уже в последний год, когда я собрала вещи и решила от него уйти, он мне сказал: “Ты, Саша, тот последний гвоздь, на котором держится моя жизнь!” И что ему вдруг в голову взбрело такое сказать? Я осталась. Из великодушия или малодушия, уж не разберешь. И снова терпела его пьянки и слушала античный хор, распеваящий все ту же песню: “Что ты с ним вместе делаешь?!” Только

Влад, Эрика и Настя не спрашивали меня об этом. Только эти трое. Может, потому мы и подружились...»

Влад, Эрика и Настя, те самые галеристы, к которым она сейчас спешила, жили втроем с давних времен, по воспоминаниям очевидцев — с ранней юности. Александре как-то рассказали запутанную историю их союза. Темным сюжетом и сложными отношениями персонажей она напоминала исландскую сагу. Вкратце суть ее заключалась в том, что изначально в Москве по соседству жили две подруги — Настя и Эрика, а потом, неизвестно откуда, в их мирную жизнь вторгся провинциальный парень. Влад, по легенде, посватался к одной из девушек (никто не брался утверждать, к кому именно). Его предложение было отвергнуто. Ему бы скрыться с горизонта, но события приобрели иной оборот. Вскоре все узнали, что трое молодых людей на паях сняли запущенную квартиру в центре, затем правдами и неправдами закрепились на этой площади, отремонтировали ее и открыли один из первых в Москве частных салонов, где перепродавали, выставляли и меняли все, что попадало под определение «искусство» и обладало рыночной ценностью.

С тех пор они всегда держались вместе и только втроем принимали все решения. Осторожные попытки выяснить, с которой из девушек конкретно состоит в близких отношениях Влад и существуют ли такие отношения вообще, кончались провалом. Троица всем смеялась в лицо, отпустила на эту тему рискованные шутки и быстро прослыла шведской семьей.

Александра любила у них бывать и терпеть не могла сплетников, распространявших про ее друзей слухи, один другого диковинней. Ее зачастую осаждали расспросами, зная, что она с троицей накоротке. «Кто из них с кем? Влад с ними, с обеими? Или с Эрикой? Может, с Настей? Или Эрика с Настей, но тогда зачем им Влад? Ты хоть что-нибудь знаешь?» Художница неизменно отве-

чала: «Мне это неинтересно!» Разумеется, ей не верили, и уклончивые ответы заставляли сплетников думать, что она покрывает некую вопиющую и уж совсем неприглядную правду.

Дверь, украшенную маленькой белой табличкой со строгой надписью: «Прием по записи», открыла Эрика. Кивнув госте, она заговорщицки шепнула:

— Все уже тут, но ТВОЕГО пока нет.

Это значило, что коллекционер, с которым обещали сегодня свести художницу, еще не приехал. Александра сразу упала духом. Машинально улыбаясь, она расцеловала Эрику в обе щеки, стараясь задержать дыхание. Сегодня от нее крепко пахло духами с резкой мускусной нотой.

Эрика всегда перебарщивала с парфюмом. Очень худая, смуглая, плоскогрудая, она могла походить на чахлого мальчишку, если бы не длинные черные кудри, спускавшиеся ниже пояса и обузданные стальным обручем надо лбом. Лоб у Эрики был мужской — широкий, выпуклый, с высокими висками. Очки она тоже носила мужские — в тяжелых роговых оправках, старомодных фасонов, с толстыми линзами. Эрика, по общему мнению, была очень нехороша собой, с ее бесполой фигурой, желтой сухой кожей, неумением одеться и причесаться к лицу. Даже богатые волосы ее не украшали и смотрелись как-то мертвенно, будто наспех прилаженный парик. Обруч усугублял это впечатление, словно скрывая границу между настоящими волосами Эрики и накладкой.

— Не расстраивайся. — Хозяйка заметила настроение госты и ободряюще тронула ее за плечо. — Он придет обязательно. Еще бы он не приехал.

— Да я не потому, — встрепенулась Александра. — Ты ведь знаешь Эрделя?

— Евгения Игоревича? — Эрика сдвинула брови. — Только не говори, что он...

СУФЛЕР

— Нет, он жив, но попал в больницу. Внезапно.

— А видишь, какая погода, — Эрика показала на окно. В стекло остервенело бились крупные хлопья мокрого снега. — У меня у самой сегодня голова дурная. А ему-то за шестьдесят! Полагается иметь проблемы с сердцем.

Продолжая рассуждать о зиме, которая никак не установится, она проводила гостью в длинный зал, некогда созданный из четырех комнат, шедших вдоль коридора анфиладой, по принципу многих старинных квартир.

Посетителей сегодня было до странности мало — вот что первым делом отметила Александра. Порой на таких выставках организаторам удавалось собрать до пятидесяти человек. Троица устраивала себе рекламу, не тратя на это ни гроша, просто рассылая письма людям, в заинтересованности которых у них не было сомнений. На этот раз простая система впервые дала сбой. Восемь человек — и это считая Александру, присоединившуюся к гостям.

К ней уже направлялась Настя, полная розовощекая блондинка, чье миловидное лицо мгновенно исчезало из памяти любого человека, посмотревшего на нее. Александра даже после десяти лет знакомства затруднилась бы написать ее портрет по памяти. Некрасивая, почти уродливая, странная Эрика представлялась ей более интересной моделью.

— Вот и ты! — удовлетворенно произнесла Настя, взглянув на часы. — Осталось подождать нашего дорогого Степана Ильича. Влад его встречает внизу. Вы там пересеклись?

Александра отрицательно покачала головой, продолжая недоуменно разглядывать гостей, рассеянных по длинной зале, освещенной по случаю выставки до последнего уголка.

— Так мало народу? — вырвалось у нее. — Эрика сказала, все уже пришли...

— Пришли все, кого звали, — с таинственным видом подтвердила Эрика. — Сегодня особенный случай. Заметь, что и картин немного.

В самом деле, большинство экспонатов, висевших на стенах и расставленных на постаментах, оказались накрыты чистыми простынями или большими кусками холста. В конце зала красовались три мольберта с выставленными на них полотнами, которых Александра на таком расстоянии толком не разглядела.

— Всего три картины? — уточнила она.

— Иди взгляни, — легонько подтолкнула ее в спину Настя. — А там и Степан Ильич подоспеет. Не понимаю только, как ты не встретила Влада?

— Саша всегда витает в облаках, — ответила за гостью Эрика и, фамильярно приобняв ее за талию, повела к выставленным картинам. По дороге она шептала, кивая то направо, то налево, называя гостей: — Сестер Маякиных ты знаешь, парочка кладбищенских крыс, но их нельзя было не позвать, с ними ссориться себе дороже. Эти трое из Питера. Знакомы тебе? Встречались как-то? Я заочно не раз контактировала, а вижу впервые. Их Настя выписала. Гаев из Риги. Гляди, кланяется тебе.

Гаев, эффектный мужчина лет пятидесяти, седой как лунь, но с окладистой черной бородкой, любезно поклонился Александре, с которой несколько раз встречался на аукционах. Однажды она уступила ему саксонский сервиз редкостной красоты, сохранности и комплектности, и после этого Гаев, вероятно, считал себя в некотором долгу перед нею. Сама Александра, привыкшая к более чем жестким нравам в среде торговцев антиквариатом, ничьей благодарности не ждала и не слишком в нее верила. Гаеву она улыбнулась мимоходом. Хозяйка, отойдя вместе с ней чуть дальше, заговорщицки шепнула:

— У тебя с ним что-то?..

— С какой стати? — удивилась Александра.

— Интересный господин. И, по-моему, он ждал, что ты к нему подойдешь.

— Ой, брось, мне не до романов сейчас! — мотнула головой художница, не удержавшись, однако, и оглянувшись на Гаева. Тот не сводил с нее пристального взгляда. Глаза у него были голубые, неуютно холодные, похожие на кусочки льда.

— О нем стоит подумать, — настойчиво нашептывала Эрика, неожиданно обнаружившая повадки свахи. — Кажется, свободен. Делец, умница. Денег куча. Гражданство двойное, Латвии и Норвегии. Говорят, отец у него был норвежец, капитан рыболовецкого судна, а фамилия у Гаева по матери, потому что в официальном браке родители не состояли. В любом случае неплохой вариант.

— Хватит, несмешная шутка, — отрезала Александра, стряхивая руку Эрики со своей талии.

— Да я не шутила, — без обиды ответила та. — А вон там, в углу, Ира с Арбата, стоит спиной, узнала? Думаю, вас не нужно представлять.

Александра действительно даже со спины узнала женщину, которая негромко разговаривала по телефону, и рада была тому, что не придется с ней немедленно здороваться. У нее как-то вышла серьезная стычка с этой владелицей антикварного салона на Арбате. Один клиент Александры, часто отдававший ей картины на реставрацию, принес приобретенное в салоне Ирины полотно. Когда художница начала с ним работать, обнаружилось, что перед ней умелая подделка под начало девятнадцатого века. Вышел скандал, владелец фальшивки подал на упиравшуюся Ирину в суд. Свидетелем выступала Александра. Дело кончилось мировым соглашением, Ирина смирилась с заключением экспертов, забрала картину и выплатила компенсацию. Разумеется, после этого эпизода обе женщины не слишком стремились встречаться.

Ирина будто почувствовала взгляд художницы спиной. Она обернулась, и ее заметно передернуло. Александра слегка наклонила голову в знак приветствия. Владелица